

## Смирнов Н.П. Заволжские горы

Второй день рождества, иней и солнце, в прихожей шумно полыхают печи, в комнатах блеск и аромат старинного праздника.

Час ещё ранний, утренний, в столовой весело бурлит гранёный самовар, заледеневшие оконные стёкла лучатся подобно книге, оплетённой серебром.

В коридоре протяжно хлопает дверь, — на пороге появляется, внося бодрый холод, почтальон, пожилой человек в овчинном полушубке и высоком «малахае». В рыжих усах и бороде его пушится седина мороза. Он похлопывает голицами, потом снимает их и, порывшись в кожаной, тяжёлой сумке, подаёт увесистую бумажную пачку и, сняв малахай, весело поздравляет:

— С высокаторжественным праздником!

Ему подносят стаканчик водки, — тот, что называется «ванькой-встанькой», — большой кусок горячего пирога, густо начинённого мясом и яйцами, и он единым махам выпивает, с удовольствием закусывает и, поблагодарив, откланивается.

— Теперь и мороз не страшен.

В пачке московские газеты: «Русское слово» и «Раннее утро», номер «Нивы», в бирюзовой обёртке, упругие конверты с золочёными по краям визитными карточками.

Я просматриваю газеты, плюшевые от мороза, с треском разрываю обёртку «Нивы», и у меня гулко начинает колотиться сердце: в «Русском слове» напечатан рассказ Бунина, — настоящий праздничный подарок, а к «Ниве» приложен очередной томик сочинений того же любимого писателя.

Наскоро закончив чай, я уношусь, с книгой и газетой, наверх, надолго погружаясь в чары Слова, чувственно осязая его немислимую красоту, которая ещё сильнее и острее заставляет любить жизнь.

Полный каких-то неосознанно чудесных переживаний, мыслей и надежд, я неторопливо брожу по комнатам, любуюсь их блестящей праздничностью.

В зале, выходящем на солнце, стоит ослепительный свет — от бронзовой люстры и её разноцветных хрустальных подвесок, от роскошно украшенной ёлки и струисто голубеющего зеркала.

«Гостиная» обращённая в сад, затенена: в верхние, незамерзающие окна видны липы, их перламутровый иней, голубое, с лиловым отражением небо.

Иней крошится наподобие ромашковых лепестков, а в вершине липы хлопчет снеговая, синепёрая сорока, пророчащая гостей.

Через несколько минут я уже на дворе, и, меня опять чувственно радует всё — и тепло оленьей ушанки, и уют беличьей куртки и чёрных, в багряных «мушках», валенок, и крутая, кристаллическая острота воздуха, схожего со сливочным мороженым, и медовый запах стлтых берёзовых дров, и воркованье голубя, и снегири, стайкой-веером рассеявшиеся на снегу.

Особенно чудесны снегири... Сколько прелести в их окраске, — смугло лазурная голова, алая грудь, белое надхвостье, — сколько музыкальности в их волнообразном полёте, сколько юношеской грусти в тихой, посвистывающей песенке!

Вот они бесшумно снимаются со снега, всё тем же узорным веером раскидываются на берёзе, расцветивая её, сказочную от инея, живыми пурпурными огоньками — и мне становится ещё радостнее и легче: нет, до чего же, в самом деле, хороша жизнь в любом её проявлении...

А тут вдруг с певучим звоном распахивается калитка ворот, и слышится самый, видимо, лучший в мире голос:

— Я — за тобой, поедем на лыжах...

— Здравствуй, Люба, — бросаюсь я навстречу девушке и вдруг замечаю и понимаю, что имя её, если произносить его отдельно: Лю-ба... — напоминает воркованье голубей, а её рдяный бархатный капор, короткая синяя шуба и серебристые валенки сочетаются почему-то с прелестью снегиря.

Тонкое лицо девушки алеет от мороза, синева глаз не уступает синеве неба, на бровях и ресницах вспыхивают блёстки инея.

В руках у Любы узкие финские лыжи, палки с колёсиками на конце, и в каждом её движении чувствуется сила и ловкость.

— Поедем на Заволжские горы, — говорит она, показывая лыжами куда-то в даль, на север.

— На Заволжские горы... — повторяю я, и эти слова наполняют меня стремительной ясностью полёта, морозной звонкостью зимы, праздничностью.

— А вечером к нам, на ёлку, — улыбается девушка, поднимая светлые глаза.

— Любушка, — с волнением, с запинкой, произношу я, задыхаясь от несказанного душевного тепла.

Она опять улыбается, — теперь несколько насмешливо, прищуриваясь, задорно вскидывая левую бровь, и отвечает полушёпотом:

— Верю, верю... бери лыжи.

И я хватаю лыжи, с восторгом ощущая их холодную, певучую, полированную гладкость, и мы весело и бодро, вперегонки, идём глухой городской улицей, вдоль садов, запущенных рождественским инеем.